

© А. С. Костюк¹

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

ИГРУШКА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ В. В. НАБОВОКА «ДРУГИЕ БЕРЕГА»: МНЕМОНИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ

В статье исследуются семиотическая и мнемоническая функции игрушек в автобиографическом романе В. В. Набокова «Другие берега». Рассматривается роль игрушки в формировании концепта памяти и нарратива художественного произведения.

Концепт памяти в автобиографическом романе В. В. Набокова «Другие берега» (1954), представляющем собой синтез мемуаров и художественного романа, репрезентируется как предметно-вещная деталь – игрушка, которая, выполняя функцию мнемонического триггера, «активирует» воспоминания героя. Такая «активация» триггера выстраивает нарратив произведения.

В статье анализируются игрушки, обладающие мнемонической функцией и символическим значением: заводные паровозы, кубики с азбукой и карандаш. Заводные паровозы в романе В. В. Набокова являются символом потерь: с провалами заводных паровозов под лёд ассоциируются потери спичек, армии, «всего». Азбучные кубики символизируют особое видение мира и взаимодействие с ним. Замок из азбучных кубиков может символизировать хрупкость детских мечтаний и надежд. Карандаш становится для героя триггером, напоминанием о возможности получить запретное, символом инициации, а через сравнение с дирижаблем – символом свободы, преодолением границ.

Ключевые слова: Набоков, автобиографический роман, предметный мир, игрушка, деталь, мнемоническая функция, концепт памяти

Anastasia S. Kostyuk

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

A TOY IN V. V. NABOKOV'S AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL "OTHER SHORES": MNEMONIC FUNCTION

The article explores the semiotic and mnemonic functions of toys in Vladimir Nabokov's autobiographical novel "Other Shores". It examines the role of toys in shaping the concept of memory and the narrative of a literary work.

---

¹ Анастасия Сергеевна Костюк – аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). ORCID: 0009-0009-3218-5648. E-mail: www.a.s.kostyuk@gmail.com.

The concept of memory in Vladimir Nabokov's autobiographical novel "Other Shores" (1954), which is a synthesis of memoirs and a fictional novel, is represented as a tangible object, a toy, which functions as a mnemonic trigger and "activates" the protagonist's memories. This "activation" shapes the narrative of the work.

The article analyzes toys that have a mnemonic function and symbolic meaning: such as clockwork trains, alphabet blocks, and pencils. In Vladimir Nabokov's novel, clockwork trains symbolize losses, with the sinking of clockwork trains under the ice representing the loss of matches, the army, and "everything". Alphabet blocks represent a unique perspective on the world and interaction with it. A castle made of alphabet blocks can symbolize the fragility of children's dreams and hopes. The pencil becomes a trigger for the hero, a reminder of the possibility of obtaining the forbidden, as well as a symbol of initiation, and through its comparison with an airship, a symbol of freedom and breaking boundaries.

Keywords: Nabokov, autobiographical novel, objective world, toy, detail, mnemonic function, memory concept

Автобиографический роман В. В. Набокова «Другие берега» (1954) занимает особое место среди российских литературных памятников XX столетия. Это синтез мемуаров и художественного романа, который позволил писателю передать не только собственное восприятие эпохи, но и раскрыть важные аспекты взаимодействия индивидуального сознания с коллективной памятью.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных произведениям В. Набокова, о функциях предметно-вещной детали в поэтике автора не так много работ.

В. Б. Полищук в диссертации «Поэтика вещи в прозе В. В. Набокова» обращается к проблеме «<...> зарождения и развития поэтики вещи в произведениях Набокова, а также к анализу феномена "вещности" как сущностного свойства набоковского метатекста, включающего в себя весь двуязычный комплекс его произведений» [Полищук, 2000, с. 3]. Выделяя две вещные реалии, являющиеся смысловыми доминантами в писательской символике Набокова, – «кукла» и «зеркало», она определяет их философско-метафизическую нагрузку [Полищук, 2000, с. 7]. Особое внимание в исследовании уделено проблеме влияния на Набокова немецкой культуры и литературы [Полищук, 2000, с. 5].

А. М. Герюгова подчеркивает: «Концепт "память" для Набокова – один из элементов его художественной поэтики» [Герюгова, 2019, с. 55]. Отмечая, что память в романе В. В. Набокова «Другие берега» материализована в разнообразных *les signes de la mémoire* – знаках памяти, ее "вещных" эквивалентах, которые могут быть представлены в тексте автобиографического романа в разных модусах» [Болдырева, 2016, с. 398], Е. М. Болдырева заостряет внимание на том, что память

у писателя зачастую выступает в качестве основного катализатора воспоминаний и становится средством связи разных реальностей [Болдырева, 2016, с. 398]. Рассматривая предметные описания как манифестацию автобиографической дискурсивной стратегии автора, исследователь приходит к выводу, что «<...> автобиографический дискурс Набокова – непрерывно изменяющееся пространство, постоянная смена оптики (разглядывание под микроскопом сложных внутренних органов), исследование не явного, а скрытого, не манифестации, а порождения смысла, выявление личного, субъективного “закона приоритета”, то есть критериев автобиографического мифотворчества» [Болдырева, 2016, с. 402].

В. С. Харитонов утверждает, что образы предметного мира используются в качестве *акцентуаторов*² текстовых средств «<...> и для привлечения внимания к концепции материала, и для выражения своей позиции, и для подчеркивания новизны подхода к изображаемому» [Харитонов, 2015, с. 273].

Цель нашей статьи состоит в исследовании семиотической и мнемонической функций детских игрушек как знаков, имеющих ключевое значение для понимания структуры индивидуальной памяти персонажей в романе В. В. Набокова и структуры авторского сознания в целом.

Для достижения цели нами были поставлены следующие задачи:

- реконструировать символическое значение детских игрушек как предметов, катализирующих пространство воспоминаний персонажа и творческой памяти автора;
- проанализировать структурно-семиотическую роль и мифопоэтическое содержание детских игрушек в романе «Другие берега»;
- содержательно дополнить и углубить понимание писательских стратегий В. В. Набокова в эмигрантский период его творчества, в частности – категории «творческой памяти».

Объект исследования – автобиографический роман В. В. Набокова «Другие берега», предмет – игрушка как элемент предметно-вещного мира, ее семантика, мифопоэтика и функции.

Методологическая база исследования строится на сочетании различных подходов (структурно-семиотического, мифопоэтического, психоаналитического) к анализу художественного текста, объединенных общей целью – выявлением роли игрушки и ее функции в художественном тексте.

---

² Здесь и далее курсив наш. – А.К.

Исследуя значимость игрушек, репрезентированных в тексте романа «Другие берега», мы одновременно реконструируем мнемонический дискурс, категорию «творческой памяти», столь важную в поэтике художника и структуре его нарратива. Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринято изучение мнемонической функции детской игрушки в пространстве автобиографического набоковского текста, позволившее раскрыть смыслы концепта «творческая память» в контексте всего творчества Набокова.

Роман В. В. Набокова «Другие берега» представляет собой автобиографическое произведение, где писатель размышляет о важных этапах своей жизни: «<...> вынужденные эмиграция и переход на другой язык, иная – чужая – культура и чужие страны, острая тоска, не только по родине, но и по утраченному безвозвратно раю детства» [Васильева, 2005, с. 13]. В нем он описывает «<...> период почти в сорок лет – с первых годов века по май 1940 года, когда автор переселился из Европы в Соединенные Штаты» [Набоков, 2022, с. 13]³.

Основой для русского издания книги «Другие берега» автор называет в предисловии американский вариант текста под названием “Conclusive Evidence” («Убедительное доказательство»). Знаменателен сам факт создания воспоминаний сначала на английском, а потом на русском языках, а также то, что второй текст не является переводом первого, это две *разные* версии одних и тех же событий. Этот феномен, не раз повторявшийся в набоковской писательской стратегии, позволяет трактовать память как нечто вариативное, экспромтное, текучее, изначально не претендующее на объективность. Следовательно, и игрушка как предметная деталь становится лишь поводом, толчком для воспоминаний главного героя.

Роман «Другие берега» состоит из «Предисловия к русскому изданию» и четырнадцати глав, воссоздающих отдаленное прошлое. В. В. Набоков считает, что главная задача мемуариста – «Обнаружить и проследить на протяжении своей жизни развитие <...> тематических узоров <...>» (с. 28). Память структурно соотносится с некой метафорой, в которой за счет сходства различных ситуаций, явлений, предметов и плетутся «узоры» воспоминаний. Уже в предисловии к роману появляются первые очертания персонажа «Мнемозины»: «Я попытался дать Мнемозине не только волю, но и закон» (с. 13).

---

³ Роман цитируется по изданию: Набоков В. В. Другие берега. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2022. Далее номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

В древнегреческой мифологии Мнемозина – богиня памяти, ее олицетворение [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 547]. В этом контексте фраза «дать Мнемозине волю» может означать попытку автора «освободить» свои воспоминания, исследовать свое прошлое. При всей «текучести» и свободе воспоминаний, автор их всё же упорядочивает. Наличие «закона» предполагает следование определенным правилам, соблюдение нормы. Писатель выстраивает свои воспоминания в некую систему, регулируемую законами художественного мира, чтобы придать им характер «неслучайной случайности».

Исследователь Н. З. Коковина отмечает, что память «может быть воспринята в качестве метакатегории литературоведения, так как генетически художественная литература, как и культура в целом, есть один из способов коллективной памяти, ориентированный на специфическое сохранение, закрепление и воспроизводство навыков индивидуального и группового поведения» [Коковина, 2004, с. 3].

Концепт памяти в мире художественного произведения может быть представлен через предмет или вещь: предметы (не-вещи) – это природные объекты, а «вещи – результат, говоря огрубленно, “низкой” деятельности человека, направленной на то, что потребно и “полезно” <...>» [Топоров, 1995, с. 8]. Под словом «мир», вслед за В. Н. Топоровым, мы понимаем взаимодействие человека и среды, так как «<...> в этом смысле мир есть результат переработки информации о среде и о самом человеке, причём “человеческие” структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий» [Топоров, 1980, с. 161].

Любая вещь, в том числе игрушка, может являться деталью или подробностью в художественном произведении. Вслед за Е. Добиним мы разводим эти понятия: деталь – это единичный, интенсивный элемент, который стремится быть выделенным на первом плане. Е. Добин смысл детали видит в том, «... что в бесконечно малое вмещено целое» [Добин, 1981, с. 303]. Деталь имеет повышенную смысловую нагрузку: «Деталь, будучи своего рода *точкой*, имеет тенденцию расширяться в *круг*» [Добин, 1981, с. 303]. В отличие от детали подробность – это множественный, экстенсивный элемент, который «впечатляет в ряду других» [Добин, 1981, с. 310]. Следует отметить, что разница между ними не абсолютна, «существуют переходные формы, промежуточные ступени» [Добин, 1981, с. 305].

В романе «Другие берега» игрушка, являясь предметной деталью, помогает писателю выстраивать микрокосм художественного произведения. Согласно мифопоэтической модели художественного мира В. Н. Топорова, микрокосм и макрокосм предполагают особую связанность, зависимость, которая «объясняет многочисленные примеры антропоморфного моделирования не только космического пространства и земли в целом, но и бытовых сфер <...>» [Топоров, 1980, с. 163]. Являясь медиатором между пространственно-временными отношениями, игрушка позволяет автору воссоздать ассоциативную связь между двумя нарраторами – взрослым человеком, вспоминая свое детство, находясь в эмиграции, и – ребенком, не ведающим о будущем.

Таким образом, детская игрушка выступает медиатором между двумя мирами, становится мнемоническим триггером, который «активизирует» воспоминания героя. Через нее В. В. Набоков выстраивает картину прошлого, надевая предметы детства символическим значением.

В романе В. В. Набокова «Другие берега» такие игрушки, как *заводные паровозы, кубики с азбукой, карандаш*, наделены символической функцией.

Заводные паровозы – единичный элемент интенсивного характера – появляются уже в первой главе романа: «Те давнишние, волшебные, которые он⁴ мне показывал, давно затерялись: пропала и его армия; провалилось все; провалилось, как проваливались сквозь слюду ледка мои заводные паровозы, когда, помнится, я пробовал пускать их через замерзшие лужи в саду висбаденского отеля, зимой 1904–1905 года» (с. 28). Этот элемент как бы «тонет» в кругу других мельчайших подробностей – как исторического характера (об утрате Дальневосточной армии и всего дореволюционного прошлого), так и личного (зима в саду в Висбадене, когда Набокову было 5–6 лет). С провалами заводных паровозов под лед символически сравниваются исторические потери – проигранная Гражданская война, создание нового большевистского государства и в мифопоэтическом плане – потеря «райского» топоса (не случайно возникает именно *сад* в Висбадене). Таким образом, игра с заводными паровозами – метафора прежней России как «потерянного рая». А саму эмиграцию в этом ключе можно трактовать как «изгнание из рая» (в случае с Набоковым – сознательное, сад в Висбадене здесь отражает как «кривое зеркало» еще не случившееся событие – будущее пребывание в эмиграции). Само внимание автора-повествователя к данной детали находит объяснение в фактах биографии писателя:

---

⁴ А. Н. Куропаткин, Верховный Главнокомандующий Дальневосточной армией.

известно, что Набоков, читая лекции по русской литературе для американских студентов, мог часами рассказывать об устройстве железной дороги в царской России, ее станций и переплетений, когда истолковывал смыслы «Анны Карениной» [Набоков, 1999, с. 301]. Такое повышенное внимание к «железнодорожной» тематике, несомненно, вписывает имя Набокова в историю классической русской литературы (Фет, Некрасов, Блок и др.). С другой стороны – эта заинтересованность в «железнодорожной» теме скрывает под собой метафизические поиски «узоров» собственной судьбы и собственного будущего.

В другом «железнодорожном» фрагменте – рисунки японских корреспондентов: «Время, значит, 1904 год, мне пять лет. Лондонский журнал, который выписывает мисс Норкот, со вкусом воспроизводит рисунки японских корреспондентов, изображающих, как будут тонуть совсем на вид детские – из-за стиля японской живописи – паровозы русских, если они вздумают провести рельсы по байкальскому льду» (с. 27). Предмет изображения тот же, – паровозы – игрушка мальчика. В. В. Набоков подчеркивает, что изображенные «паровозы русских» «совсем на вид детские – из-за стиля японской живописи». Стиль японской живописи как бы нивелирует «угрозы» корреспондентов, превращая их в детскую забаву, игру. В этом контексте запуск мальчиком заводных паровозов как бы моделирует политическую ситуацию 1904–1905 года (русско-японская война). Благодаря моделирующей функции «единичное событие» разрастается до масштабов истории. Россия в 1896 году, заключив оборонительный союзный договор с Китаем, получила право на строительство Китайско-Восточной железной дороги. Проект Китайско-Восточной железной дороги вызвал широкий резонанс, как в самой России, так и за рубежом. В. В. Набоков в своем романе отмечает это. Сопоставляя событие из личной жизни и событие из истории, писатель тем самым усиливает ощущение утраты и исчезновения, связанные с потерями, понесенными Россией в ходе войны. В данном фрагменте детская игрушка выстраивает контуры не только личных воспоминаний, но и цепляет в себя события жизни уже взрослого человека – ведь осмысление «потерь» России в русско-японской войне происходит уже не в памяти ребенка, а взрослого-эмигранта. Так, за счет этой детали вырисовывается еще один набоковский прием – композиционно-временное совмещение двух отнесенных во времени точек зрения на одно и то же событие или предмет.

Подобная техника применена Набоковым в конце рассказа «Путеводитель по Берлину» (сборник «Возвращение Чорба»). Находясь в пивной, рассказчик видит настоящий момент и своими глазами, и глазами ребенка,

находящегося в соседней комнате, которого он видит в зеркале: «Там, в глубине, ребенок остался на диване один. Ему оттуда видно зальце пивной, где мы сидим, – бархатный островок биллиарда, костяной белый шар, который нельзя трогать, металлический лоск стойки, двое тучных шоферов за одним столиком и мы с приятелем за другим. Он ко всему этому давно привык, его не смущает эта близость наша, – но я знаю одно: что бы ни случилось с ним в жизни, он навсегда запомнит картину, которую в детстве ежедневно видел из комнатки, где его кормили супом – запомнит и биллиард, и вечернего посетителя без пиджака, отодвигавшего белым углом локоть, стрелявшего кием по шару, – и сизый дым сигар, и гул голосов, и отца за стойкой, наливавшего из крана кружку пива» (с. 340). Е. А. Худенко отмечает, что «название сборника и – одновременно – первого рассказа актуализируют некую точку обратного отсчета: возвращение предполагает замыкание пути, дорогу назад» [Худенко, 2005, с. 169]. Такая временная перспектива затем окончательно закрепляется в романе.

Стоит отметить, что с образом заводных паровозов также связан мотив личного выбора судьбы. Вынужденная эмиграция автора, скитания, отсутствие постоянного места жительства – все это также находит отражение в романе. Место, где мальчик запускает паровозы, – сад висбаденского отеля. Отель в этом контексте становится символом временного пребывания, неприкаянности. Отель в Висбадене – это как бы одна из станций, остановок на жизненном пути В. В. Набокова. Таким образом, предметная деталь – заводные паровозы, вырастая из точки в круг, создает символический фон, передающий общую атмосферу тревоги и нестабильности начала XX века.

Азбучные кубики как предмет детства являются мнемоническим символом воспоминаний, связанных с открытием такой особенности набоковского восприятия как «цветной слух»: «<...> моей матери все это показалось вполне естественным, когда мое свойство обнаружилось впервые: мне шел шестой или седьмой год, я строил замок из разноцветных азбучных кубиков – и вскользь заметил ей, что покрашены они неправильно. Мы тут же выяснили, что мои буквы не всегда того же цвета, что ее; согласные она видела довольно неясно, но зато музыкальные ноты были для нее, как желтые, красные, лиловые стеклышки, между тем как во мне они не возбуждали никаких хроматизмов» (с. 37–38). Еще в детстве у писателя обнаруживается явление синестезии – сочетания двух способов восприятия одновременно: гласные тесно связываются не только со звуками, но и с цветами. Хотя сам автор пишет: «Не знаю, впрочем, правильно ли тут говорить о «слухе»: цветное ощущение создается, по-моему, осяза-

тельным, губным, чуть ли не вкусовым чутьем. Чтобы основательно определить окраску буквы, я должен букву просмаковать, дать ей набухнуть или излучиться во рту, пока воображаю ее зрительный узор» (с. 36). В Большом энциклопедическом словаре указано, что слово синестезия произошло от греч. слова «synaesthesia» (соощущение). Этот феномен подразумевает, что «при раздражении данного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств» [Большой энциклопедический словарь, 1997, с. 1211]. Обладатель такого психофизиологического явления, как «цветной слух», способен ощущать цвета при прослушивании музыки, речи и т. д.⁵ Примечательно, что у матери писателя наблюдается тот же вид синестезии, что и у писателя, но присутствует она в более «классическом» варианте, не создавая «осознательным чутьем»: «Мы тут же выяснили, что мои буквы не всегда того же цвета, что ее; согласные она видела довольно неясно, но зато музыкальные ноты были для нее как желтые, красные, лиловые стеклышки, между тем как во мне они не возбуждали никаких хроматизмов» (с. 38).

Осознание своей особенности, осознание того, что азбучные кубики покрашены неправильно, впоследствии приводит к сформированной азбучной радуге: «Черно-бурую группу составляют: густое, без галльского глянца, А; довольно ровное (по сравнению с рваным R) P; крепкое каучуковое Г; Ж, отличающееся от французского J, как горький шоколад от молочного; темнокоричневое, отполированное Я, В белесой группе буквы Л, Н, О, Х, Э представляют, в этом порядке, довольно бледную диету из вермишели, смоленской каши, миндального молока, сухой булки и шведского хлеба. Группу мутных промежуточных оттенков образуют клистирное Ч, пушисто-сизое Ш и такое же, но с прожелтью, Щ.

Переходя к спектру, находим: красную группу с вишнево-кирпичным Б (гуще, чем В), розово-фланелевым М и розовато-телесным (чуть желтее, чем V) В; желтую группу с оранжеватым Е, охряным Е, палевым Д, светло-палевым И, золотистым У и латуновым Ю; зеленую группу с гуашевым П, пыльно-оливковым Ф и пастельным Т (все это суше, чем их латинские однозвучия); и, наконец, синюю, переходящую в фиолетовое, группу с жестяным Ц, влажно-голубым С, черничным К и блестяще-сиреневым З. Такова моя азбучная радуга (ВЕЕПСКЗ)»

⁵ Этот вид восприятия встречается редко и чаще всего проявляется среди людей, которые обладают высокой степенью сенсорной чувствительности: музыкантов, композиторов и художников. Так, например, русский композитор Александр Скрябин являлся известным обладателем «цветного слуха». Свое уникальное восприятие он попытался реализовать в симфонических произведениях, интегрировав световые эффекты в партитуру («Прометей», «Поэма огня»).

(с. 37). Благодаря азбучным кубикам, с которыми В. В. Набоков играл в детстве, мемуарист познает себя. Этот предмет детства позволяет сформировать особое восприятие мира, понять и принять свою уникальность, научиться ей пользоваться. Также стоит обратить внимание на характер взаимодействия с этой вещью. Ребенок не собирает слова, а строит замок из азбучных кубиков. В данной ситуации присутствует «слом правил», некое хаотичное, творческое начало и одновременно – идет процесс самопознания. В этой модели будущий писатель уже выступает в роли творца, способного создавать нечто новое и уникальное из простых элементов, а именно азбучных кубиков. Замок из азбучных кубиков также может олицетворять хрупкость детских мечтаний и надежд. Он легко может разрушиться, как иногда мечты разбиваются о реальность. Его хрупкое, ненадежное состояние, находящееся на грани созидания и разрушения, также может отсылать ко времени и творческому пути автора.

Еще один предмет детства – желто-деревянный гигантский карандаш, о котором мечтает писатель, будучи ребенком: «Карандаш действительно оказался желто-деревянным гигантом, около двух аршин в длину и соответственно толстый. Это рекламное чудовище висело в окне у Треймана как дирижабль, и мать знала, что я давно мечтаю о нем, как мечтал обо всем, что нельзя было, или не совсем можно было, за деньги купить (приказчику пришлось сначала снестись с неким доктором Либнером, точно дело было и впрямь врачебное)» (с. 42). Из-за больших размеров карандаша его ведущей функцией, в руках ребенка, становится не канцелярская или рекламная, а именно игровая. Во время болезни мальчика, чтобы порадовать ребенка и ускорить его выздоровление, мать нашла способ заполучить предмет его мечтаний. Следует обратить внимание на формулировку мечтаний ребенка: «<...> я давно мечтаю о нем, как мечтал обо всем, что нельзя было, или не совсем можно было за деньги купить <...>» (с. 42). Причиной мечтаний о владении вещью становится ее недоступность. Ценность предмета усиливается тем, что его нельзя купить. Возникает желание нарушить запреты и ощутить свободу проявления воли. Выстраивается особое отношение героя к вещи. Эта ситуация приобретает архетипический характер, напоминая историю о запретном плоде. Интересным кажется тот факт, что, заполучив карандаш, набоковский нарратор задумывается о его подлинности и, как бы «вкушает», проверяет вещь на подлинность: «Помню секунду ужасного сомнения: из графита ли острие, или это подделка? Нет, настоящий графит. Мало того, когда несколько лет спустя я просверлил в боку гиганта дырку, то с радостью убедился, что становой графит идет через всю длину: надобно отдать справедливость Фаберу и Либнеру, с их стороны это было сущее «искусство для искусства» (с. 42). После того как карандаш оказался

у героя, он становится для него триггером, напоминанием о возможности получить запретное. В. В. Десятов и А. И. Куляпин утверждают, что мечтания о карандаше соотносятся с психосексуальным содержанием текста, когда карандаш становится сублимацией половой функции и воплощение желания – путем к сексуальному взрослению мальчика, его инициацией [Десятов, 2003, с. 67–80]. Исследователи соотносят этот предмет из романа с инвариантными – тростью из романа «Отчаяние», железными трубами и деревянными срубами из рассказа «Путеводитель по Берлину» и далее этот ряд можно продолжать. Карандаш, все сомнений, символизирует процесс создания литературных произведений. Особое внимание мальчик уделяет наличию графита внутри карандаша. Этот «внутренний стержень» олицетворяет и духовные поиски, и практическое применение, и поиск приемов самовыражения через письмо (углем, графитом), отсылая к державинской традиции и мандельштамовским поискам «истинного слова». В литературе дирижабль часто выступает символом свободы, преодолением границ и состоянием души, что мифопоэтически перекликается с предположением об истории с запретным плодом.

Итак, игрушки в романе В. Набокова «Другие берега» являются предметно-вещной деталью, которая наполняется семиотическим и мифологическим содержанием. Основная функция игрушек в произведении – мнемоническая, она позволяет выстроить автору ассоциативный ряд воспоминаний, нарратив. Игрушки, как и некоторые другие вещи в тексте, являются мнемоническими медиаторами, связующими настоящее и воспоминания о прошлом. Анализ предметов из детства позволяет говорить о многоуровневой организации категории «творческая память» в поэтике В. В. Набокова, которая строится по нелинейным законам «лабиринта» или «узора».

Перспективны исследования связаны с изучением функции игрушек в других произведениях В. В. Набокова (например, сборник «Возвращение Чорба») или в сопоставлении результатов данного исследования с результатами дальнейшего анализа произведений авторов этого же периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Болдырева, Е. М.** Les Signe De La Mémoire: «вещные» эквиваленты памяти в романе В. Набокова «Другие берега» / Е. М. Болдырева // Вестник Костромского государственного университета. – 2006. – № 6. – С. 77–82.

2. **Большой энциклопедический словарь** / ред. А. М. Прохоров, А. П. Горкин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Большая Российская энциклопедия: Норинт, 1997. – 1456 с.

3. **Большой толковый словарь русского языка** / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.

4. **Васильева, Е. В.** Автобиографическая проза В. В. Набокова “Conclusive Evidence”, «Другие берега», “Speak, Memory!”: История создания, художественная и жанровая специфика: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: специальность 10.01.01 – Русская литература / Васильева Екатерина Васильевна. – Томск, 2005. – 24 с.

5. **Десятов, В. В.** Прозрачные вещи: очерки по истории литературы и культуры XX века / В. Десятов, А. Куляпин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Барнаул: Аз Бука, 2003. – 199 с.

6. **Герюгова, А. М.** Концепт «память» в романе «Другие берега» В. Набокова / А. М. Герюгова, Л. Ю. Козлова // Молодежь. Наука. Образование // Сборник научных работ студентов. – Карачаевск, 2019. – № 14. – С. 57–61.

7. **Добин, Е.** Сюжет и действительность. Искусство детали: монография / Е. Добин. – Ленинград: Советский писатель, 1981. – 432 с.

8. **Коковина, Н. З.** Категория памяти в русской литературе XIX века: автореферат дис. д-ра филологических наук: специальность 10.01.01 – Русская литература / Коковина Наталья Захаровна. – Великий Новгород, 2004. – 34 с.

9. **Набоков, В. В.** Другие берега / В. В. Набоков. – Москва: Изд-во АСТ: CORPUS, 2022. – 320 с.

10. **Набоков, В. В.** Лекции по русской литературе / Пер. с англ.; Предисловие Ив. Толстого. – Москва: Изд-во Незвисимая Газета, 1999. – 440 с.

11. **Набоков, В. В.** Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / В. В. Набоков. – Москва: Правда, 1990. – 414 с.

12. **Полищук, В. Б.** Поэтика вещи в прозе В. В. Набокова: автореферат дис. кандидата филологических наук: специальность. 10.01.01 – Русская литература / Полищук Вера Борисовна. – Санкт-Петербург, 2000. – 24 с.

13. **Топоров, В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – Москва: Прогресс: Культура, 1995. – 623 с.

14. **Топоров, В. Н.** Модель мира (мифопоэтическая) / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. – Москва, 1980. – С. 161–166.

15. **Харитонов, В. С.** Особенности использования образов предметного мира в лирике В. В. Набокова / В. С. Харитонов // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 271–275.

16. **Худенко, Е. А.** Парадигмы изгнанничества и путешествия в сборнике В. Набокова «Возвращение Чорба» / Е. А. Худенко // Культура и текст. – 2005. – № 8. – С. 169–174.

REFERENCES

1. **Boldy`reva, E. M.** Les Signe De La Mémoire: «veshny`e» e`kvivalenty` pamyati v romane V. Nabokova «Drugie berega» / E. M. Boldy`reva // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 6. – S. 77–82.

2. **Bol`shoj e`nciklopedicheskij slovar`** / red. A. M. Proxorov, A. P. Gorkin. – Izdanie 2-e, pererab. i dop. – Sankt-Peterburg: Bol`shaya Rossijskaya e`nciklopediya: Norint, 1997. – 1456 s.

3. **Bol`shoj tolkovny`j slovar` russkogo yazy`ka** / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. – Sankt-Peterburg: Norint, 2000. – 1536 s.

4. **Desyatov, V. V.** Prozrachny`e veshhi: ocherki po istorii literatury` i kul`tury` XX veka / V. Desyatov, A. Kulyapin. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – Barnaul: Az Buka, 2003. – 199 s.

5. **Dobin, E.** Syuzhet i dejstvitel`nost`. Iskusstvo detali: monografiya / E. Dobin. – Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1981. – 432 s.

6. **Geryugova, A. M.** Koncept «pamyat`» v romane «Drugie berega» V. Nabokova / A. M. Geryugova, L. Yu. Kozlova // Molodezh`. Nauka. Obrazovanie // Sbornik nauchny`x rabot studentov. – Karachaevsk, 2019. – Vyp. 14. – S. 53–57.

7. **Kokovina, N. Z.** Kategoriya pamyati v russkoj literature XIX veka: avtoreferat dis. d-ra filologicheskix nauk: special`nost` 10.01.01 – Russkaya literatura / Kokovina Natal`ya Zaxarovna. – Velikij Novgorod, 2004. – 34 s.

8. **Nabokov, V. V.** Drugie berega / V. V. Nabokov. – Moskva: Izd-vo AST: CORPUS, 2022. – 320 s.

9. **Nabokov, V. V.** Lekcii po russkoj literature / Per. s angl.; Predislovie Iv. Tolstogo. – Moskva: Izd-vo Nezvisimaya Gazeta, 1999. – 440 s.

10. **Nabokov, V. V.** Sbranie sochinenij: v 4 t. – T. 1 / V. V. Nabokov. – Moskva: Pravda, 1990. – 414 s.

11. **Polishhuk, V. B.** Poe`tika veshhi v proze V. V. Nabokova: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskix nauk: 10.01.01 – Russkaya literatura / Polishhuk Vera Borisovna. – Sankt-Peterburg, 2000. – 24s.

12. **Toporov, V. N.** Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoe`ticheskogo: Izbrannoe / V. N. Toporov. – Moskva: Progress: Kul`tura. – 1995. – 623 s.

13. **Toporov, V. N.** Model` mira (mifopoe`ticheskaya) / V. N. Toporov // Mify` narodov mira: E`nciklopediya: v 2 t. T. 2. – Moskva, 1980. – S. 161–166.

14. **Kxaritonov, V. S.** Osobennosti ispol`zovaniya obrazov predmetnogo mira v lirike V. V. Nabokova / V. S. Kxaritonov // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 2. – S. 271–275.

15. **Kxudenko, E. A.** Paradigmy` izgnannichestva i puteshestviya v sbornike V Nabokova «Vozvrashhenie Chorba» / E. A. Kxudenko // Kul`tura i tekst. 2005. – № 8. – S. 169–174.

16. **Vasil`eva, E. V.** Avtobiograficheskaya proza V. V. Nabokova Conclusive Evidence, Drugie berega, Speak, Memory!: Istoriya sozdaniya, xudozhestvennaya i zhanrovaya specifika: avtoreferat dis. kandidata filologicheskix nauk: special`nost` 10.01.01 – Russkaya literatura / Vasil`eva Ekaterina Vasil`evna. – Tomsk, 2005. – 24 s.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025 г.